

III.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ТРИ МѢСЯЦА ЗА ДУНАЕМЪ
въ 1828 году.

I.

Замѣчанія на пути отъ Дуная до Варны.

Послѣ чепыреxmѣсячнаго, ежедневнаго похода, увидѣли мы наконецъ 9-го Августа высокіе берега Дуная; на другой день съ барабаннымъ боемъ и радостнымъ восклицаніемъ: ура! нашъ полкъ переправился чрезъ границу, опечеспва.

Ширина Дуная съ заливами и болопами, проспирается версты на чепыре; плопина идетъ зигзаками, а мостъ, выстроенный на плашкодахъ (подобно Петербургскому Исакиевскому) прикрытъ на правомъ берегу укрѣпленіями. Кучами, въ безпорядкѣ лежащіе турки, фашины и тѣла убитыхъ, видѣнные нами въ камышахъ болопа, напоминали, что эти мѣста недавно еще были зрѣлищемъ кровавой бѣшвы.

Мѣстоположеніе праваго берега рѣки живописно и выгодно для войны оборонительной. Турки на всѣхъ высотахъ берега устроили баптиреи; всѣ выгоды были на сторонѣ непріятеля, но онъ былъ столь учтивъ, что позволилъ нашимъ егерямъ (правда, подъ картечными выстрѣлами) переправиться на судахъ чрезъ Дунай, и

занять неприступную ихъ позицію. Кто послѣ этого скажетъ, что Турки не научились Европейской вѣжливости?

Въ мѣстечкѣ Сапуновѣ мы распрощались съ квартирною жизнью: переправясь черезъ Дунай, полкъ расположился лагеремъ близъ кургана, называемаго Визирскимъ, на вершинѣ коего — при переходѣ нашихъ передовыхъ войскъ черезъ Дунай — разбита была палатка Государя Императора. Преданіе говоритъ, будто одинъ несчастный Визирь, проигравшій сраженіе, по приказанію Султана на этомъ самомъ мѣстѣ зарытъ въ землю живою, верхомъ на конѣ.

Отъ Дуная до г. Бабадага, что составляетъ два добрыхъ солдатскихъ перехода, мы шли широкою аллеею прекраснаго сада.

Бабадагъ былъ первый Турецкій городъ, который мнѣ удалось осмотрѣть. Онъ построенъ въ большой долинѣ; кругомъ его виноградные сады и мѣста живописныя: съ одной стороны синѣлось обширное озеро, съ другихъ сторонъ возвышались горы и утесы, покрытые кое-гдѣ кустарникомъ. Но внушенность Бабадага все не живописна. Тотъ обманется жестоко, кто, по сказкамъ Шехеразады или по косморамъ Лексы, составилъ себѣ идею о бѣдномъ Турецкомъ городкѣ. Гдѣ эти красивые, всегда зеленые сады, вѣчно-шумные фонтаны, гаремы и перема съ плоскими кровлями, съ раззолоченными узорчатыми рѣшетками? гдѣ этотъ лѣсъ веселыхъ минаретовъ? Я былъ разочарованъ при

входѣ въ Бабадагъ, не видя ничего подобнаго. Кромѣ дома, принадлежавшаго бывшему Пашѣ, и шеперь занятаго Русскимъ Комендантомъ, кромѣ казармъ регулярныхъ войскъ — спроенїя обширнаго, но непрочна изъ рыхлаго плпшника выспроеннаго — въ которомъ помѣщенъ госпиталь, и еще кромѣ двухъ или трехъ домовъ, все прочее было развалны. Густой дымъ облаками носился надъ зданїями, бѣлыми струями поднимался отъ грудъ обгорѣвшихъ камней, вездѣ разбросанныхъ; сирадъ и пепель наполняли воздухъ. Чшобы не задохнувшись отъ чаду и не сломить себѣ головы въ узкихъ загроможденныхъ переулкахъ Бабадага, я спѣшилъ выбраться въ одну удобопроѣзжую улицу въ цѣломъ, горѣдѣ, ведущую на базаръ, гдѣ, въ небольшихъ деревянныхъ лавкахъ или, лучше сказать, балаганахъ, покрытыхъ, вмѣсто разломанныхъ кровель, рогожами и парусиною — Греки продавали Турецкій табакъ, разложенный большими кучами, спамбулки, изюмъ, карпфель, чеснокъ, нанизанный на лыкахъ, яблоки и недозрѣлый виноградъ. Въ городѣ изъ природныхъ жителей не было почти никого: всѣ они разбѣжались по окрестнымъ лѣсамъ. Мы встрѣчали однихъ только Грековъ и недавно передавшихъ на нашу сторону Некрасовцевъ. — Выступивъ изъ Бабадага, мы шли дѣшлеею. По обѣимъ сторонамъ сей узкой дороги, весьма похожей на дно глубочайшаго рва, возвышаюся до облаковъ горы, покрытыя дубовымъ лѣсомъ. Въ этомъ ущелии

бьетъ фонтанъ воды здоровой и особенно при-
ятной вкусомъ — а это большая рѣдкость
въ сихъ мѣстахъ. Всѣ полки дѣлали привалъ у
сего водохранилища, столь отпущаго для уста-
лыхъ путешественниковъ. Въ Турціи, выстроить
фонтанъ при большой дорогѣ почитается дѣ-
ломъ священнымъ. Доспапочный Мусульманинъ,
будучи опасно боленъ, или находясь въ другой
какой либо бѣдѣ, даетъ обыкновенно обѣтъ со-
орудить фонтанъ, и поному-то здѣсь очень
много сихъ священныхъ водохранилищъ, необхо-
димыхъ для Мусульманъ, по нѣскольку разъ въ
день совершающихъ свои омовенія по закону
Магометову. Они исполняютъ сей обрядъ и пу-
тешествуя. Въ нынѣшнюю войну сами Турки,
изъ мщенія къ Христіанамъ, испортили почти
всѣ фонтаны, а колодцы забросали мерзвыми
тѣлами, мыломъ, кожами и другими нечи-
стоѣми; и поному мы терпѣли чрезвы-
чайный недоспапокъ въ свѣжей водѣ. Когда
вспомнишь о гибельномъ за-Дунайскомъ клима-
тѣ, о быстрыхъ переходахъ отъ нестерпимо-
знойнаго дня къ холодной росистой ночи, о не-
имовѣрномъ множествѣ винограда и другихъ
плодовъ, бывшихъ сущимъ искушеніемъ для на-
шихъ солдатъ, о чрезвычайномъ недоспапкѣ въ
первой потребности человѣка, въ чистой и здо-
ровой водѣ, то ни сколько не удивляешься мно-
жеству больныхъ въ арміи во время Турецкихъ
войнъ.

Въ шестнадцати верстахъ отъ Бабадага,

картина перемѣняется: лѣсъ рѣдѣетъ, горы сползающія опложе; наконецъ глазамъ нашимъ открылась необозримая, голая степь, которая простиралась на сто восемьдесятъ верстъ; на всемъ этомъ пространствѣ, кромѣ неба, степи и Чернаго моря, мы ничего не видали! Опъ дохлаго рогатаго скота и лошадей, кучами лежавшихъ по дорогѣ, воздухъ былъ наполненъ зловредными испареніями; мы не видали не только деревца, подѣ тѣнью котораго могли бы укрыться опъ палящихъ лучей солнца, но даже не было и кустарника, чпобъ развеспи огонь для варенія пищи. Солдаты принуждены были косить высокій бурьянъ, который, подобно морю, волновался здѣсь на необозримомъ пространствѣ.

Петербургскіе жипели съ ужасомъ вспоминая о знойномъ лѣтѣ 1826 года, когда наша столица въ полной мѣрѣ заслуживала названія Сѣверной Пальмиры; когда солнце безъ лучей, какъ раскаленное ядро, капилось по небесной пустынѣ; когда опъ лѣсовъ, горящихъ въ окрестностяхъ, нестерпимый смрадъ наполнялъ воздухъ, и стройные куполы, блестящіе шпигы понули въ густомъ фіолетовомъ туманѣ; когда ни одна капля дожда не спряхивала пыли, тяжелыми слоями лежавшей на красивыхъ акаціяхъ и сиренахъ по дачамъ при-Невскимъ, гдѣ напрасно искали отрады Петербургскіе сибариты. Нева какъ будто остановилась; безъ струй, сонно, тяжело капала она свои воды, принявшія грустный цвѣтъ безоблачной тверди, и

мушно отражая оцѣпенѣвшія сожженные деревья, которыми красуются ея прелестные острова.

Повѣрятъ ли господа Петербургскіе жители, что это льто можетъ дать только нѣкоторое понятіе о нашемъ Турецкомъ льтѣ, и что Русскій солдатъ, истинный образецъ твердости, бодро несъ на себѣ свою тяжелую суконную аммуницію, только поговаривая изрѣдка товарищамъ: «куда какъ жарко, ребята!»

Первый городъ послѣ Бабадага была крѣпость Кюстенджи: она заслуживаетъ особенное вниманіе по чистотѣ строеній и нѣкоторому сходству съ городами Европейскими. Здѣсь мы нашли порядочный пракширъ, содержащемъ коего былъ Кишиневскій Грекъ. Заплачивъ за обѣдъ по няти левовъ (*) съ человека, мы пошли осматривать крѣпость. Кюстенджи лежитъ на мысѣ Чернаго моря, имѣетъ хорошую гавань; но укрѣпленіе ея не важно, и крѣпость сія сдалась почти безъ сопротивленія. Здѣсь въ первый разъ я посѣтилъ Турецкую мечеть; внутренность ея стѣнъ испещрена разными пек-спами изъ Корана, а полъ и хоры устланы рогожками, сплетенными изъ проросника.

Въ здѣшнихъ лавкахъ можно было достать не только все необходимое, но даже предметы, служащіе къ роскоши. — Опъ Кюстенджи идетъ дорога берегомъ моря, который совершенно оплодъ. Однажды, снявшись съ ночлега чрезвы-

(*) Левъ содержишь въ себѣ 40 копѣекъ.

чайно рано, увидѣли мы впереди насъ въ отдаленіи большіе огни. Мы не могли предполагать, чтобъ они были непріятельскіе, однако жъ изъ предосторожности послано было развѣдать: это была кочующая деревня Болгаръ, которые, составивъ каре изъ шельгъ, въ срединѣ онаго съ своими семействами и домашнимъ скопомъ, спокойно отдыхали у горящихъ костровъ.

Въ началѣ нынѣшней войны сами Турки выжгли большую часть Болгарскихъ деревень, а жищелей со всѣмъ имуществомъ намѣрены были угнать за Балканы, дабы оставить Русскимъ однѣ безплодныя степи. Но передовыя наши войска успѣли отбить сіи несчастныя жертвы войны; часть изъ нихъ возвращалась теперь въ г. Бабадагъ, а другіе получили позволеніе поселиться въ Бессарабіи. Часто на нѣсколько верстъ тянулись одна за другою сіи подвижныя деревни. Каждая огромная Болгарская горба, которую тянули двѣ или три пары сильныхъ буйволовъ, наполнялась всѣми къ хозяйству принадлежащими вещами: полевыми орудіями, коплами, горшками, ручными мельницами, картофелемъ и кукурузой; сверху же въ большихъ клѣпкахъ везли куръ, гусей и другую домашнюю птицу. Семейства шли каждое за своею горбою, и малолѣтнія дѣти, сидя въ корзинахъ, привязанныхъ сзади оныхъ, спокойно поигрывали между собою кочанами кукурузы, которая служила имъ въѣсть и пищею и игрушкою. Скрипъ немазаныхъ колесъ, ревъ буйволовъ, крикъ и плачъ дѣтей —

оглушали слухъ нашъ при каждой встрѣчѣ съ подобнымъ обозомъ. Турецкіе города, видѣнные мною, весьма некрасивы и такъ сходны между собою, что видѣвши одинъ городъ, можешь и о прочихъ имѣть вѣрное понятіе: изъ рыхлаго плишника выстроенные дома всегда обращены окнами на дворъ, и вмѣсто забора, обыкновенно обнесены каменною стѣною, что много способствуетъ къ оборонѣ, даже внутри самого города; оконницы, вмѣсто стеколъ, заклеены пузыремъ или бумагой, напичканною деревяннымъ масломъ; улицы вымощены неровно и сверхъ того чрезвычайно узки, такъ, что изъ одного дома можно перескочить черезъ улицу въ другой. Вотъ общая наружность почти cadaго Турецкаго городка! Я не буду говорить о Мангаліи, но скажу нѣсколько словъ о Коварнѣ. Городъ выстроенъ на высокомъ, приморскомъ утесѣ, и можетъ похвалиться, если не красотою зданій, то навѣрное своимъ величественнымъ мѣстоположеніемъ и хорошею гаванью. Въ Коварнѣ примеченъ. Объ одной изъ сихъ мечетей я по сіе время сохранилъ грустное воспоминаніе. Войдя въ нее, я увидѣлъ на возвышенномъ капшафакѣ простой гробъ, выкрашенный черною краскою; на крышѣ лежали сабля и генеральская шляпа. Два гренадера стояли на часахъ.

Я спросилъ объ имени покойника, и узналъ, что это было Константина Христофоровича Бенкендорфа, столь рано похищеннаго смертію съ поля брани и побѣдъ. Могильная прохлада,

безмолвіе Турецкой мечети, гдѣ лежали смертныя остатки Русскаго Генерала, неподвижность стражей его гроба — все возбуждало печальныя мысли. Храбрый сподвижникъ Эриванскаго героя холоденъ и безопытенъ лежить въ то время, когда впереди его все спремится на призывъ надежды и славы; опъ смертнаго сна возбудить его только труба Архангела..... Мнѣ стало грустно при сравненіи сей смертной пишины съ нашимъ общимъ движеніемъ и браннымъ шумомъ. — По крутой лѣспницѣ я всходилъ на самую вершину минарета. Глазамъ моимъ представилась одна изъ самыхъ величественныхъ картинъ Природы, которыя приводятъ въ опчаіе Живописца: это видъ необозримаго моря, которое сливалось вдаль съ густою лазурью южнаго неба. На этомъ синемъ грунтѣ чернѣлись только военныя и купеческія корабли и скорлупамъ подобныя лодки, бѣгающія по разнымъ направленіямъ. На самомъ крутомъ берегу моря былъ расположенъ нашъ лагерь. Глухіе пушечныя выстрѣлы, какъ опдаенныя перекапы грома, доносились по водѣ изъ осаждаемой Варны. Изрѣдка они потрясали воздухъ, возвѣщая о недалекой дѣли нашего путешествія. Спустившись въ мечеть, я поклонился еще разъ браннымъ остаткамъ умершаго Генерала, и возвратился въ лагерь. Въ Коварнѣ мы опять перплыли крайній недосапокъ въ водѣ; ибо ни въ городѣ, ни въ окрестностяхъ онаго вовсе не было воды, годной для употребленія. Хотя по

виду она и не уступала нашей Невской; но, по освидѣтельствованіи Медиками, оказалась вредною, по причинѣ заключавшейся въ ней въ большомъ количествѣ извести. Мы не смѣли иначе пить ее, какъ съ уксусомъ, достаточное количество котораго и было поспѣшь опущено въ каждый полкъ для нижнихъ чиновъ.

Послѣ десяти верстъ перехода отъ Коварны — вошли мы въ узкое ущелье горъ, какъ будто въ пещеру — это былъ Бальчикъ, или Малые Балканы. Для артиллеріи и нашего обоза было очень затруднительно спускаться внизъ по крутой, каменистой и столь узкой дорогѣ, что едва двѣ лошади могли идти рядомъ. Орудія и повозки надлежало придерживать сзади веревками; спустясь съ горы, мы вступили въ живописную долину Терте-кіой. Послѣ упомятаго странствованія по пустыннымъ степямъ, заросшимъ бурьяномъ и заваленнымъ дохлыми животными, съ какимъ неизъяснимымъ наслажденіемъ отдышали глаза наши на свѣжей зелени виноградныхъ и кизилевыхъ садовъ, съ какимъ удовольствіемъ прислушивались мы къ журчанію водъ, бѣгущихъ изъ разсѣлинъ горъ въ водохранища!

Долина Терте-кіой священна для каждаго Мусульманина, ибо посреди ея сооружена великолѣпная мечеть, въ которой находится мраморная гробница Султана Али-Бабы, угодника Магомешанскаго. Внутренность мечети выложена дорогими мраморными плитами, которыя

испещрены были именами и фамиліями, написанными на многихъ Европейскихъ языкахъ. Каждому хотѣлось оставить здѣсь память своего пребыванія; между многими подписями мы нашли имена знаменитѣйшихъ лицъ. Я вздохнулъ при мысли, что сіи имена, слабые памятники нашего мѣстопребыванія въ землѣ непріятельской, скоро изгладятся или рукою времени, или руками варваровъ, забѣлившихъ мраморныя стѣны Св. Софіи. Прекрасная тѣнистая роща окружала этотъ храмъ, и два большіе фонтана прохлаждали воздухъ и служили для омовенія моельщиковъ, которые изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ тысячами спекались къ сему храму съ богатыми приношеніями. Подлѣ мечети видны развалины большаго каменнаго строенія, въ которомъ жили прежде Дервишъ и его прислуга. Вотъ все, что я могъ узнать черезъ переводчика отъ дряхлаго Болгара, живущаго анахоретомъ недалеко отъ сей мечети. Изъ всѣхъ житей, его одного не могъ услышать звукъ военной трубы; онъ остался спокойнымъ въ своемъ пустынническомъ шалашѣ, надѣясь на великодушіе и доброту Русскихъ.

Хотя отъ Терпе-кіой до крѣпости Варны считалось не болѣе 25 верстъ; но эти 25 верстъ мы шли, или лучше сказать подвигались, около чепырехъ дней! — Безпрестанныя дефилеи, узкія по лѣсамъ дороги, заваленныя камнями, преляпсывовали иппи не только артиллеріи и обозу, но даже и пѣшеходцамъ, такъ, что въ первый

переходъ опть Терте-кіой, едва совершили мы пять верспъ и выбрались на лощину близъ деревни Терскіой, какъ заспигла насъ темная дождливая ночь. Полкъ двинулся впередъ, но артиллерію и часть обоза вынуждены были оставитьъ въ этой лощинѣ до утра, подъ прикрытіемъ одной роты нашего полка. Лошади, артиллерійскія и обозныя, потчасъ были оппьянены, часовые разспавлены, огни разведены, и мы расположились провести ночь биваками. Къ счастью, выюки были при насъ, да сверхъ сего подоспѣли двѣ маркипанпскія повозки, копорыя, подобно хищнымъ пшпцамъ, слѣдуютъ за каждымъ полкомъ; всякой приваль и ночлегъ доставляетъ имъ богатую добычу.

Не успѣетъ еще полкъ составить ружей — а у нихъ уже пельги раскрыты и въ одно мгновеніе все готово. Въ наши времена всѣ безъ исключенія, научились искусству продавать лицомъ свой поваръ; только никто, кажется, не обладаетъ имъ въ такой степени, какъ полковые маркипанпы: всѣ съеспные свои припасы они умѣли разспавлять подлѣ повозокъ на самыхъ видныхъ мѣстахъ и въ самомъ привлекательномъ видѣ для людей проголодавшихся. Согрѣвшись нѣсколькими спаканами чаю, я забрался въ небольшой шалашъ, наскоро мною выпроенный, завернулся въ шинель, и только что началъ засыпать, какъ услышалъ громкое ко мнѣ воззваніе Полковника; онъ поручилъ мнѣ оппскаать полкъ и получить опть Генерала прика-

заніе на счетъ нашего движенія. Подтянувъ подпруги у сѣдла, я поѣхалъ опыскивать полкъ и приключеній. Выѣхавъ изъ долины, я долженъ былъ подниматься все на гору узкою дефилею. Мрачная ночь спустилась на землю; мелкій дождь усугублялъ мглу и густоту воздуха. Отдавши себя на волю Провидѣнія, я пробирался около получаса прямо на удачу; — все было тихо, только отъ копытъ моего коня, медленно идущаго по влажной землѣ, съ шумомъ лепѣли брызги, и дождь каплями скапывался съ вѣтвей деревьевъ. Вдругъ я очутился на широкой равнинѣ; въ отдаленіи направо и налево мелькали огни, которые однако жъ были на большомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Опять на удачу я поѣхалъ влево; по мѣрѣ моего приближенія, спарался я прислушиваться къ звукамъ голосовъ, которые весьма неявственно до меня доносились. Я весь, какъ говорится, превратился въ слухъ и зрѣніе, и чтоже по приближеніи своемъ услышалъ? — Языкъ, которымъ говорили люди, являющіе кругомъ коспровъ, былъ не Русскій! Представьте себѣ положеніе чловѣка въ землѣ непріятельской, въ глухую ночь, вдали отъ всякой помощи, попавшаго столь близко къ непріятелямъ, что и бѣгство было невозможно! Да и куда бѣжать: отъ одного огня къ другому; но можетъ быть и тамъ такая же шайка Турецкихъ мародеровъ, ожидающихъ Русскихъ ушей? Назадъ? топотъ лошади привлечетъ ихъ вниманіе, и кто не знаетъ, какъ шѣпки Турецкіе вы-

стрѣлы? Я былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ костровъ, бросавшихъ яркій свѣтъ на окружающіе предметы, и могъ явственно видѣть, какъ нѣсколько человѣкъ въ бараньихъ шапкахъ и широкихъ шараварахъ вскочили съ своихъ мѣстъ и въ одно мгновеніе со всѣхъ сторонъ окружили меня. . . . Успокойтесь! это были не Турецкіе мародеры, а мирные Болгары, коихъ кочующая деревня расположилась здѣсь для ночлега. — Я добылъ у нихъ, какъ говорится, языка: кое-какъ они растолковали мнѣ, что покуда полпора прошли мимо ихъ солдаты, и указали на дорогу, идущую направо. Поблагодаривъ ихъ, я поѣхалъ вправо; огни, мелькавшіе не вдалекѣ, были моимъ маякомъ. Не проѣхалъ я и версты, какъ услышалъ шаги людей, идущихъ прямо ко мнѣ. Кто идетъ? закричалъ я. — Солдаты! отвѣчали мнѣ, и отъ этого слова всѣ жилки задрожали во мнѣ отъ радости — словно камень отвалился отъ сердца. Узнавъ отъ нихъ, что полкъ нашъ расположенъ здѣсь биваками, поѣхалъ я опыскивать своего Генерала, и получа приказаніе — немедленно возвратился обратно къ артиллерійскому биваку. Вокругъ пылавшаго костра, надъ которымъ висѣлъ на треножникѣ полуведерный мѣдный чайникъ, я заспалъ артиллерійскихъ и нашей роты офицеровъ, объявилъ Полковнику приказаніе Генерала, рассказалъ товарищамъ о своемъ приключеніи, и, въ ожиданіи утру, улегся отдохнуть подлѣ костра. — Съ разсвѣтомъ обозъ и артил-

лерія двинулись впередъ, и лишь только поднялись мы на гору — открылась передъ нами удивительная картина! Съ каждымъ шагомъ ландшафтъ перемѣнялся, какъ въ діорамѣ, и наконецъ къ вечеру увидѣли мы — Варну.

(Продолженіе впрѣдъ.)

IV.

III.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ТРИ МѢСЯЦА ЗА ДУНАЕМЪ

въ 1828 году.

II.

Лагерь главной квартиры подъ крѣпостью Варною.

Наконецъ цѣль, къ которой усмремлены были всѣ желанія, направленныя къ успію, была достигнута — Варна передъ нами! Какъ у плошины, преграждающей меченіе грозной рѣки, такъ около сей крѣпости, оборонявшей Царьградъ,

все не отъвѣсы, но просто рядъ неосновательныхъ объясненій и увѣреній, которыя онъ называетъ доказательствами, между тѣмъ, какъ оныя сами еще пребываютъ доказательствами. Впрочемъ и самыя возраженія Г. Дувилля относящіяся не къ тому о чемъ идетъ дѣло: онъ говоритъ въ защиту своей нравственности, а не книги, и ему еще предстоитъ защищать сію послѣднюю. Пусть докажетъ онъ, что въ продолженіе 1827 г., былъ въ Рио-Жанейро, а не въ Буэносъ-Айресъ, и въ Мартѣ 1828, въ Конго, а не въ Бразиліи. Пусть доводы его будутъ такъ же положительны, какъ мои доводы; пусть процитируютъ онъ числа — числа, происшествія — происшествія, газетамъ — газеты, свидѣтелямъ — свидѣтелей, и если даже выполнитъ сіе, то все таки число невѣрностей его книги не уменьшится. Я скажу только одно на счетъ предложенія, сдѣланнаго Г. Дувиллемъ Правительству — отправить его еще разъ въ Африку: есть два средства выпустить изъ

волновались и шумѣли наши войска. Варну окружили съ суши и съ моря. На сѣверной сторонѣ, на возвышеніи, расположенъ былъ лагерь Графа Воронцова; опредѣ Генераль-Адъютанта Головина занималъ Айдоскую и Бургасскую дорогу, дабы пересѣчь осажденнымъ сообщеніе съ Константинополемъ. На Черномъ морѣ развѣвались флаги военныхъ кораблей эскадры Адмирала Грейга, которые извергали передъ нашими глазами цѣлый рядъ на спѣхъ упорной крѣпости, и производили морскіе маневры, удивлявшіе насъ своею быспротою и новостію подобнаго зрѣлища. У ногъ Русскаго войска лежала еще непобѣжденная Варна.

Вся эта картина, какъ въ панорамахъ, видна была съ утеса, который составлялъ самый верхній уступъ берега Чернаго моря. Отсюда Русскій фортъ, какъ будто съ вышины поднебесной, смотрѣлъ на свою добычу: здѣсь расположенъ былъ лагерь Главной квартіры. На широкое поле, вмѣсто пшеницы, которою оно было засѣяно, вдругъ выросъ обширный, многолюдный городъ. Изъ однихъ придворныхъ эки-

дурнаго дѣла, въ которое человекъ по неблагоразумію вовлекъ себя. Одно, самое легкое, состояло въ уступчивости, для сохраненія хотя по наружности, своего честнаго имени. Другое въ усугубленіи дерзости и въ рѣшимости идти впередъ, не смотря на раны, полученные въ битвѣ. Я предоставляю публикѣ судить, лучшее ли есть сіе послѣднее средство, и хорошо ли поступилъ Г. Дувиль, избравъ оное!

пажей составились двѣ длинныя, широкія улицы. Лагерь Главной квартиры расположенъ былъ въ видѣ каре, правый фашъ коего прикрывалъ Лейбъ-Гвардіи Преображенскій полкъ, а лѣвый Московскій; передній, орудія Лейбъ-Гвардіи 1-й пѣшей Артиллерійской бригады роты Его Императорскаго Высочества, а задній, эскадронъ Лейбъ-казаковъ. Шумная радость и необыкновенная дѣятельность были замѣтны во всѣхъ концахъ военного стана. Солдаты съ пѣснями разбивали палатки; артиллеристы хлопотали надъ устройствомъ коновязей; маркишанты выгружали свои повозки, и съ самодовольнымъ видомъ раскладывали повары, въ сладкой надеждѣ на будущіе барыши; въ унтеръ-шпабъ (*), суенились надъ построениемъ изъ виноградныхъ лозъ балагановъ для больныхъ: все показывало, что мы остаемся здѣсь не на одинъ и не на два дня.

Не смотря на усталость, множество офицеровъ спѣшили къ утесу горы, чтобы взглянуть на Варну, которая, въ зрительную трубу, казалась столь къ намъ близкою, что не только малѣйшее движеніе войскъ было замѣтно, но даже на каждомъ человѣкѣ, идущемъ по улицѣ, явственно можно было оплечь цвѣтъ его плаща, хотя четыре версты

(*) Унтеръ-шпабомъ называются палатки, разбитыя сзади лагеря, для помѣщенія музыкантовъ, писарей и проч. несстроевыхъ чиновъ.

насъ разделяли. Видъ непріятельской крѣпости, праншейныхъ работъ, громъ пушекъ, это новое, величественное зрѣлище воспламеняло насъ, юныхъ мечтателей. Всякой изъ насъ горѣлъ неперпѣніемъ быть дѣйствующимъ лицомъ въ славныхъ дѣлахъ; въ ожиданіи же мы дали полную волю дѣйствовать воображенію. Разговоръ ежеминутно становился живѣе; всѣ наперерывъ повѣряли другъ другу свои надежды. Въ самомъ дѣлѣ, какія надежды не могли исполниться, когда мы были вкладчиками въ огромной лопшереѣ, въ которой участвовала вся Европа? Эта лопшерея разыгрывалась передъ нами, только не слѣпая фортуна, а вышній Промыслъ дѣлилъ жребіи. Правотѣ и великодушію назначались побѣда, слава и благословеніе народное; праведная месть нарушителямъ обѣщаній. И на нашу долю могли достаться нѣкоторыя лопы; наприкладъ, этоиѣтъ бѣлый крестъ, стоиѣтъ украшающій грудь военнаго! Какъ радовали насъ, дѣшеи Россіи, эти пріятныя мечты. Въ восторгѣ мы приугадывали важныя слѣдствія взятія Варны. Визирь разбиѣтъ, мы за Балканами, Адрианополь палъ, Царьградъ склоняетъ главу съ покорностію, и щипѣтъ Олега снова прибиѣтъ къ его вратамъ въ воспоминаніе нашихъ побѣдъ; мы возвращаемся въ отечество, покрытые лаврами; воиѣтъ уже дружескій кружокъ собрался въ казармахъ; мы воспоминаемъ о славномъ прошедшемъ времени: все это передумали и переговорили мы при первомъ взглядѣ на Варну и попомѣтъ, сидя

у горящихъ костровъ, разложенныхъ передъ военнымъ спаномъ. Шумнымъ разговорамъ нашимъ вторили свистъ карпечъ и неумолкаемый громъ пушекъ.

Такова была картина лагеря главной квартиры въ первыя минуты прибытія нашего подъ Варну.

III.

День подъ Варною.

Въ то время, когда у нашихъ ногъ все кипѣло дѣятельностью, все дышало войною, мы жили на вершинѣ утеса весьма однообразно и мирно, съ завистію поглядывая на бранные пруды нашихъ поварищей, которые преодолевали послѣднюю опору Царяграда, разрушая стѣны упорной Варны. Чпобъ ознакомить васъ съ нашею жизнію, опишу вамъ одинъ день, который былъ для меня замѣчательнѣе прочихъ. Въ пятомъ часу утра, (Сентября), я пробужденъ былъ сильнымъ шумомъ. Вообразивъ, что въ лагерь тревога, поропливо схватилъ свою фуражку, полусаблю и выбѣжалъ изъ палатки. Тутъ увидѣлъ свою ошибку. Солдаты собирались въ небольшихъ опрядахъ, и, подъ командою офицеровъ выступали изъ лагеря: одни для содержанія цѣли вокругъ спана, другіе для изготовленія шуровъ и фашинь, а нѣкоторые шли въ караулъ къ спавкѣ Государя Императора, и въ разныя посылки. Казаки и денщики,

большими опрядами поспѣшали на фуражировку, стараясь опередить другъ друга. Будучи въ этотъ день свободнымъ отъ всякой должности, и я захопѣлъ порыскавъ въ чистомъ полѣ, велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь, и пустился разъѣзжая безъ всякой цѣли около военнаго стана. Въ окрестностяхъ Варны, поля усыяны роскошными плодами Юга; узенькая пропѣлка, проложенная между виноградными садами, привела меня на вершину высокой горы. Тутъ взорамъ моимъ представилась великолѣпная картина. У ногъ моихъ волновалось Черное море, покрытое кораблями и баркасами, изъ коихъ одни перевозили больныхъ и раненыхъ съ южной стороны крѣпости Варны, гдѣ находился опрядь Генераль-Адъютанта Биспрома, а другіе везли въ гавань съѣстные припасы. Съ правой стороны бѣлѣлся лагерь Графа Воронцова; близъ онаго высокая насыпь камней служила, какъ говоритъ преданіе, надгробнымъ памятникомъ Польскому Королю Владиславу Ягеллону и его храбрымъ сподвижникамъ. У самой подошвы сего кургана находилась площадь, посреди которой разбиты были палатки полукружіемъ — это гавань. Подобно рою пчелъ, мелькали люди на сей площади и между палатокъ. Спустился съ горы, подѣхалъ я къ видѣннымъ мною палаткамъ, которыя, какъ шутъ узналъ я, служили жилищемъ мапрозамъ и для складки товаровъ. Здѣсь встрѣтилъ я скиперовъ и мапрозовъ почти всѣхъ Европейскихъ націй, хотя торговля чрезъ Ар-

хипелагъ, по случаю войны, почти за годъ предъ симъ совершенно прекратилась. Товары Госпитального двора, Англійскаго магазина и Петербургской биржи можно было достать въ палаткахъ и балаганахъ Варнской гавани. Краснощекіе Англійскіе и Голландскіе шкипера хладнокровно сидѣли съ цигарками въ рту, за спаканами грока, и, казалось, обращали болѣе вниманія на сей драгоценный напитокъ, нежели на покупателей и свои товары, кучами и безъ всякаго разбора раскиданные предъ ними.

Увидѣвъ недалекъ отъ гавани нѣсколько палатокъ, превосходящихъ величиною тѣ, которыя я осматривалъ, и заключивъ по этому, что и товары въ нихъ должны быть лучшіе, я поѣхалъ къ симъ палаткамъ. Но вмѣсто товаровъ и прихотей роскоши, что же я здѣсь увидѣлъ? Боже мой! множество больныхъ, раненыхъ, полумертвыхъ, простертыхъ на полу! Это былъ военный госпиталь. Вмѣсто непрерывной дѣятельности и шумной веселости, видѣнныхъ мною за нѣсколько минутъ, тутъ поразили мой слухъ болѣзненные стоны. Холодный потъ выступилъ по всему моему тѣлу, когда я подумалъ, что чрезъ нѣсколько дней, можетъ быть, чрезъ нѣсколько часовъ, и я лягу подъ симъ ужаснымъ навѣсомъ! . . . О всемогущая власть воображенія! Я спрадалъ, смотря на смертельные муки окружающихъ меня; но не въ страхъ былъ вышелъ изъ палатки; не могъ оторвать глазъ, искавшихъ ранъ болѣе ужасныхъ; душа

какъ будто невольно желала постигнуть, что будетъ и съ моимъ племъ, если назначено ему терпѣть такія же спраданія; какъ ихъ вынесетъ?— Свѣтъ, проникая сквозь бѣлсе полошно спавки, еще болѣе увеличивалъ блѣдность лицъ злополучныхъ жертвъ войны. Но гдѣ воображеніе и разсудокъ препенущъ, тамъ являешься ты, первая, святѣйшая утѣшительница наша — Вѣра! ты общаешь вѣнцы безсмертія убіеннымъ за тебя и опечеснво. Въ послѣднюю минувшую жизни, простертый на мягкомъ ложѣ, окруженный плачущими родственниками 80-лѣтній счастливецъ вѣрно позавидовалъ бы участи сего 20-лѣтняго воина, раненаго пулею въ грудь на вылетѣ, и закрывающаго глаза свои навѣки съ кропкою улыбкой.

Но на что разнѣживать себя? подумалъ я: мнѣ ли, Русскому солдату, пипать такія мысли? зачѣмъ утѣшать самого себя, когда еще нѣтъ нужды въ утѣшеніи, когда руки мои могутъ еще, за славу и честь Русскаго имени, наградить враговъ такою же участію, опшмашить имъ плѣмъ, чему позавидовалъ бы 80-лѣтній счастливецъ! Если пуля непременно желаетъ встрѣшиться съ моимъ лбомъ или грудью — милости просимъ! вѣрно не одинъ я опправляюсь на шопъ свѣтъ въ эту минувшую: на людяхъ и смерть красна!

Услышавъ, что пріѣхалъ Государь Императоръ, я посѣшилъ въ небольшую палатку, куда недавно принесенъ былъ юнкеръ К***, пла-

жело раненый въ плечо. Палатки находились въ близкомъ распоянїи одна опъ другой; и я могъ слышать каждое слово Государя, посыщавшаго больныхъ. Его Величество съ отеческимъ учаспїемъ изволилъ распрашивать каждаго больного. Иныхъ упѣшалъ словами, другимъ раздавалъ деньги, а на нѣкоторыхъ надѣвалъ Георгіевскіе креспы. Вышедши изъ большой палатки, Государь пошелъ прямо къ той, гдѣ я находился, и, услышавъ опъ Доктора, что рана К*** очень опасна, Его Величество обратился къ больному съ слми словами: »Жалю очень, К***, что съ тобою случилось такое несчастіе; но что же дѣлать? это участь войны. Теперь не въ моей власпи помочь этому; но если тебѣ прїятно, что Я первый поздравлю тебя офицеромъ, то Я очень радъ, въ полной надеждѣ, что скоро въ состоянїи будешь продолжать службу уже въ офицерскомъ чинѣ.«

Сказавъ сіе, Государь Императоръ изволилъ возложить на него знакъ Военнаго Ордена. Его Величество, выходя, поручилъ нѣкоторымъ изъ Своей свиты узнать о денежномъ состоянїи молодаго К***. — Глаза мои наполнились слезами.... Высокій другъ человечества! кто знаетъ Твое сердце, кто видѣлъ Тебя въ сію минуцу, тотъ легко повѣритъ, для чего Ты взявшаю Константинополя предпочелъ миръ!

Государь со всею свитою поѣхалъ къ горѣ, гдѣ находился телеграфъ, а я отправился на

корабль Парижъ, для свиданія съ однимъ моимъ знакомымъ, находившимся въ Свипѣ Его Величества; и осмопрѣвъ внутренность корабля, подивился великолѣпію, устройству сего пловучаго дворца. Только шумъ волнъ и качка напоминали, что основаніе его очень зыбко. Переѣхавши на берегъ, я поскакалъ обратно въ свой лагерь.

Вставши съ разсвѣтомъ и проведя нѣсколько часовъ на конѣ — я чрезвычайно проголодался, и потому сдѣлалъ первый визитъ къ Веберу, гдѣ нашелъ и нѣсколькихъ своихъ поварищѣй. Спросилъ позавтракать, и чрезъ пять минутъ желаніе мое было исполнено. Мнѣ подали завтракъ, который показался бы роскошнымъ не для одного бивачнаго аппетита, но и для самаго прихотливаго гастронома. »Да скажи, пожалуйста, какъ и гдѣ, въ пустынныхъ степяхъ явился у тебя роскошный завтракъ?« спросите меня вы, домохѣды Петербургскіе.

Въ палаткѣ, или рестораціи Одесскаго купца Вебера, которая величественно возвышалась въ нѣсколькихъ шагахъ за лагеремъ Главной кварширы.

О, Веберъ былъ великій человекъ! Онъ пользовался большою славою во всемъ военномъ спанѣ. Расчисливъ, и весьма вѣрно, 1) что, простоявъ цѣлыя сутки на полевомъ пикетѣ, промокнувъ до костей, весело возвратившись въ свою спавку, гдѣ кипящій чайникъ и бутылка хорошаго рому васъ ожидаютъ; 2) что молодые

люди, чѣмъ ближе къ смерти, тѣмъ скорѣе желаютъ насладиться прелестями жизни; что они амброзіи и нектару Елисейскихъ полей или струямъ Леты предпочтутъ коплеты и шампанское — онъ рѣшился всѣмъ вышеписаннымъ угодить нашему брату, разумѣется, съ нѣкоторою пользою для себя. Такъ и должно! Деньги ему были нужнѣе, нежели намъ, потому, что онъ надѣялся прожить долѣе насъ, пріѣхавъ въ лагерь съ оружіемъ мира: со сковородами, вмѣсто щиповъ, и вертелами, вмѣсто мечей. Залпъ его артиллеріи не ужасалъ никого; напропивъ, разливалъ, вмѣсто мороза, пріятную теплоту по всѣмъ членамъ. — Все, чѣмъ можно поддерживать жизнь, укрѣпить тѣло, начиная отъ осьми-копѣчной булки до лашпета, и отъ лимоннаго сока до сока лучшихъ виноградинокъ, находилось подъ мирнымъ полотнянымъ его кровомъ. Правда, о цѣнѣ его товаровъ и спрашивать нечего: вы напередъ каждую спрашиваемую вами вещь умножайте на десять, судя по Петербургскимъ цѣнамъ, и счетъ вашъ вѣренъ! Здѣсь замѣчу мимоходомъ, что кромѣ Веберовой, за лагеремъ Главной квартиры находилось еще нѣсколько маркишантскихъ палатокъ Бѣлевскихъ купцовъ, гдѣ можно было достать то же за самую умѣренную цѣну; но они были Русскіе, и потому посѣщали ихъ только люди средняго состоянія съ весьма хорошимъ аппетитомъ, но щощимъ кошелькомъ, которымъ ставка Ве-

бера казалась болѣе неприспущною, нежели Варискія степны.

Ужасный прескъ и необыкновенно сильная перепалка заставили насъ, не окончивъ завтрака, выскочить изъ-за стола. Вышедъ изъ палатки, мы увидѣли толпу, бѣгущую на Невскій проспектъ.

Прежде нежели объясню причину преска, я долженъ сказать, что на сей, такъ называемый Невскій проспектъ, собиралась почти ежедневно, во 2-мъ или 3-мъ часу по полудни, большая часть жителей Главной квартиры, откуда, какъ изъ древняго Римскаго Коллесея (амфитеатра) смотрѣли на дѣйствія нашей артиллеріи, взрывъ минъ и успѣхи траншейныхъ работъ. Взрывъ мины былъ причиною преска; ружейная и пушечная пальба, стукъ камней, крики ура! все это слышалось въ одинъ громкій гулъ. Когда шумъ немного стихъ, и густыя облака пороховаго дыму и пыли разоспались надъ Варною, мы замѣтили на противоположной горѣ ужасный дымъ, слышали сильную пушечную перепалку. Это было сраженіе между отрядомъ Генераль-Адъютанта Биспрома и Паши Омеръ-Вріоне.

Въ полупорѣ верстѣ отъ лагеря Главной квартиры находился вольный рынокъ; онъ расположенъ былъ за лагеремъ 2-й Гвардейской пѣхотной дивизіи, въ которомъ оставались въ это время одни только больные и слабые, полки же сей дивизіи, нѣкоторые находились въ

спрашивалъ, а другіе въ отрядъ Генераль-Адъютанта Биспрома. Такъ какъ было еще два часа, то я изъ любопытства пошелъ пошатаваться по оному. Узкая улица между рядами палатокъ и балагановъ, покрытыхъ рогожами, указала мнѣ путь къ вольному рынку. Кто изъ Петербургскихъ жителей не бывалъ, хотя изъ любопытства, на толкучемъ рынкѣ, или по крайней мѣрѣ, не слыхивалъ объ немъ? Вольный рынокъ во всемъ уподобляется ему шумностію и изобиліемъ.

Едва могъ я пробраться сквозь толпу солдатъ, Цыганъ и Болгаръ, пѣснившихся у палатокъ, маркишаншовъ, торговавшихъ преимущественно солдатскимъ поваромъ: одинъ спрашивалъ на два гроша куришельнаго табаку, другой пребывалъ нѣсколько аршинъ крашенны, а третій мѣлу и нишпокъ; и я не могъ надивиться проворству, съ которымъ они удовлетворяли требованіямъ приходящаго человѣка въ одно и то же время! Особенно осаждаемы были балаганы, изъ коихъ клубился ароматическій паръ горячаго сбишья. На этотъ рынокъ каждый воленъ былъ нести продавать все, что хочеть. Тутъ могли бы вы увидѣть солдатъ разныхъ полковъ: одни за безцѣнокъ отдавали дорогія Турецкія оружія, такъ сказать, еще дымившіяся кровью; нныя несли продавать старые выслуженные мундиръ, сапоги со шпорами, рейшусы съ голубыми и красными выпушками, прострѣленные фуражки и другія солдатскія вещи;

а нѣкоторыя, въ надеждѣ сбыть опиявшихъ ими у непріятеля ословъ и муловъ, ѣздили на нихъ верхомъ по рынку. Захотите купить одного изъ сихъ длинноухихъ живописныхъ? заплашите рубль мѣдью — и онъ вашъ!

Множество солдатъ, сполпившихся подлѣ низенькаго, изодраннаго рогожею покрываго шалаша, обратили мое вниманіе; я съ любопытствомъ заглянулъ въ сей балаганъ. Вообразите себѣ небольшую яму, вырытую въ землѣ и обложенную внутри кирпичами; въ этой ямѣ спарый Болгарь, съ засученными рукавами, мѣсилъ тѣсто грязною палкою; подлѣ него разведенъ былъ огонь, на которомъ въ большой сковородѣ кипѣло баранье сало; небольшою деревянною лопаткой онъ доставалъ тѣсто изъ ямы и бросалъ на сковороду — вотъ вамъ и бивачныя алады! Дары же Бахуса ручьями лились изъ сороко-ведерныхъ Болгарскихъ бочекъ въ солдатскія манерки.

Такъ какъ было уже 4 часа, и мой желудокъ давно напоминалъ мнѣ о времени обѣда, то я, по обыкновенію своему, отправился въ пракпиръ Зеленкова, обширная ставка коего находилась подлѣ палатки Вебера.

С. Петербургскій купецъ Зеленковъ, добровольно принявшій на себя званіе маркипанта Гвардейскаго корпуса во время послѣдней Французской войны, не хотѣлъ отспать опъ Гвардіи и въ нынѣшнюю Турецкую кампанію: онъ завелъ подлѣ Варною пракпиръ — въ лагерь при

Главной квартирѣ — въ коемъ можно было всегда имѣть хорошій обѣдъ съ кофеемъ за 4 руб. ассигнаціями, что довольно еще дешево, судя по заграничной дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ.

Очаровательная увертюра изъ Бѣланы (*la Dame blanche*), которую заиграли въ это время наши полковые музыканты, манила насъ выйти изъ душной палатки на чистый воздухъ.

Музыка гремѣла во всѣхъ концахъ лагеря. Вечеръ былъ прекрасный; ни малѣйшее дуновение вѣтра не нарушало спокойствія моря; въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражались высокія мачты кораблей. Лошади и мулы, обремененные сѣномъ и пшеничною соломой, тянулись гуськомъ въ лагерь съ фуражировки. Полный сладостныхъ мечтаній, смотрѣлъ я, какъ послѣдніе лучи заходящаго солнца догорали на высокихъ шпицахъ Варнскихъ минаретовъ. Все было тихо.... Вдругъ поднялась сильная перепалка; траншеи и долина, примыкавшая къ спѣнамъ крѣпости, вспыхнули и освѣтились, какъ будто иллюминаціею отъ баттарейной и ружейной пальбы! Конгревовы ракеты, бросаема въ крѣпость, описывали за собою огненные эллипсы; ручныя гранаты огненными букетами сыпались изъ крѣпости въ траншеи; бомбы непріятельскія, казалось, спалкивались съ нашими свѣтящимися ядрами.... Но скоро непріятель, сдѣлавшій вылазку, прогнанъ былъ обратно въ крѣ-

постъ; ружейная перепалка мало по малу стихала; баптиреи перекликались между собою рѣже и рѣже; вспыхнувшіе огни погасли, и наконецъ

Смогло все въ военномъ снѣгѣ,
Только хладная волна,
Закипѣвъ на Океанѣ,
Снѣжны Варны рвѣтъ одна.

Я возвратился въ свою палатку, съ упомянутымъ плѣдомъ и головою, наполненною разнообразными воспоминаніями минувшаго дня.

(Продолженіе впродѣ.)

III.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ТРИ МѢСЯЦА ЗА ДУНАЕМЪ въ 1828 году.

(Продолженіе.)

IV.

ЖИЗНЬ ВЪ ТРАНШЕЯХЪ.

Мудрено хвалятъ Русскаго солдата: давно истощены всѣ похвалы его неуспрашимости, стойкости, примѣрной дисциплинѣ, но надобно видѣть въ траншеяхъ нашихъ чудо-богатырей, чтобъ имъ удивляться! Трудно по нѣсколькимъ часамъ стоять въ жаркомъ дѣлѣ подъ ядрами: каково же по нѣсколькимъ мѣсяцамъ жить подъ картечными выстрѣлами? Русскій солдатъ, не думая, не разсуждая объ опасности, кушаетъ свой сухарь, запивая его водою, и засыпаетъ при свистѣ пуль такъ же спокойно, какъ въ лагерь при Красномъ Селѣ или на постой, вяжетъ фашины и дѣлаетъ шуры, припѣвая, какъ будто въ Петербургскихъ казармахъ. Я имѣлъ случай лично въ этомъ убѣдиться, бывши однажды въ траншеяхъ, и вотъ по какому случаю: отъ нашей 1-й Гвардейской пѣхотной бригады были ежедневно наряжаемы по 250 человекъ изъ баталіона для изготовленія шуровъ и фашинъ; въ этотъ день досталось мнѣ по очереди идти съ командою нашего полка на ра-

бошу. — Въ 4 часа утра я выступилъ изъ лагеря Главной квартиры и, спустясь по узенькой пропикѣ съ крупаго утеса, очутился въ обширномъ виноградномъ саду, разбросанномъ по оврагамъ, и примыкавшемъ къ самымъ спѣнымъ крѣпостямъ. Глаза разбѣгались отъ удивленія, смотря на вѣтви, опягощенные крупными гроздами бѣлаго, синяго и розоваго винограда, самаго крупнаго и сладкаго, изъ коихъ почидаеи-ся лучшимъ кишмишъ; можете судить, какому искушенію подвергались мы, жители угрюмага Сѣвера, имѣвшіе понятіе о виноградѣ только по Милушинскимъ лавкамъ!

Сии виноградники служили неисчерпаемымъ источникомъ для дѣланія шуровъ и фашинъ, и сверхъ сего были приманкою для Турокъ, падшихъ къ лакомству. Большая часть изъ нихъ во время вылазокъ бросались въ эти сады, гдѣ ихъ ловили десятками съ карманами, нагруженными виноградомъ. Правду сказать, и наши солдаты вознаграждали себя спорницею за Петербургскую воздержность въ фруктахъ; они сначала объѣдали виноградъ, а послѣ уже изъ лозъ дѣлали шуры и фашины, — это называется шурдаться съ пользою и удовольствіемъ.

Къ 12-ти часамъ утра половинное количество шуровъ и фашинъ было изготовлено. Приказавъ снести оныя въ траншейное депо — я пошелъ опыскивать одного знакомаго мнѣ сапернаго офицера, который наканунѣ обѣщаль быть моимъ проводникомъ.

Полдень есть самое удобное время для обозрѣнія траншей; ибо Турки обыкновенно уходящѣ въ это время молишься и обѣдать, оставляя часовыхъ только на самыхъ важнѣйшихъ постахъ, и пальба на нѣкоторое время утихаетъ.

Изъ любопытства я доходилъ до самаго вала; шуръ пораженъ былъ я зрѣлищемъ ужаснымъ! Ровъ былъ заваленъ грудами тѣлъ, и кровь дымилась еще надъ оными. Это было слѣдствіе вчерашней кровопролитной битвы, которая произошла отъ слѣдующей ошибки. Саперы, работая на самомъ краю рва, уронили шуръ, который своимъ паденіемъ произвелъ большой шумъ; часовой, стоявшій подлѣ, за темнотою не могши разсмотрѣть, что́ это было, спросилъ о причинѣ шума у сапера, который отвѣчалъ ему: »шуръ упалъ,« а часовому послышалось: Турокъ, и онъ выстрѣлилъ по этому мѣсту. Сего было довольно, чтобъ произвести общую тревогу, и перепалка открылась немолкаемая. Турки, находившіеся во рву, будучи испуганы сею неожиданною стрѣльбою, бросились чрезъ потери (проходъ подъ валомъ въ крѣпость); но стоявшіе на валу, принявъ за темнотою, единоземцевъ своихъ за Русскихъ, открыли по нимъ ужасную стрѣльбу. Наши же, не выходя изъ траншей, кричали: ура! что было принято въ крѣпости за шуръ, и нѣсколько тысячъ Турокъ немедленно были посланы отсюда для опоры; но непріятель, встрѣчен-

ный картечными выстрѣлами, бросился обратно въ крѣпость, гдѣ впрочемъ былъ принятъ за нашихъ, и бѣглый ружейный огонь продолжался съ полчаса. При этомъ Турками овладѣлъ столь сильный страхъ, что они только съ разсвѣтомъ дня увѣрились въ своей ошибкѣ, опъ коей лишились до 1000 человекъ.

»По окончаніи сей битвы, я былъ очевидцемъ странной сцены,« продолжалъ мой проводникъ: »Туркамъ позволено было убрать тѣла своихъ единовѣрцевъ, и по этому случаю пальба съ обѣихъ сторонъ на полчаса прекратилась. По прошествіи условнаго времени, опять загрѣмѣли наши батареи. Вдругъ появилась на валу крѣпости женщина, въ сопровожденіи нѣсколькихъ Турокъ, вѣроятно своихъ невольниковъ, съ бѣлымъ плащомъ въ рукѣ, и пальба съ батарей замолкла. Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на сію женщину, которая, сойдя въ ровъ, долго кого-то искала между убитыми, и наконецъ упала безъ чувствъ на чей-то прунъ, который бывшими при ней Турками былъ поднятъ и опнесенъ въ крѣпость, изъ коей вскорѣ послѣ сего Турки выгнали нѣсколько штукъ рогатаго скота въ знакъ благодарности, вѣроятно опъ сей Турчанки. Послѣ сего канонада продолжалась по прежнему.

Спустясь въ ровъ, я слышалъ, какъ наши саперы разговаривали изъ-за мантелета чрезъ переводчика съ однимъ Туркомъ, который увѣрялъ, что Юсуфъ-Паша намѣренъ сдать крѣ-

поспѣ, если только Государь будетъ столь милосливъ, что позволитъ ему жить въ Крыму; переговоры же о сдачѣ Варны отъ того не начинаются, что съ нашей стороны не перестаютъ спрѣлять. Пришедшій на сей случай, Полковникъ К. Л....въ, сказалъ Туркамъ, что если они хотятъ вести переговоры, то пусть выставлятъ на валу бѣлое знамя, и ни мало не опасаясь выѣзжаютъ на лодкахъ. Съ симъ Турокъ ушелъ къ Юсуфъ-Пашѣ, и вскорѣ общался возвратиться. Между тѣмъ въ другой санъ, солдаты перебранивались изъ-за пуровъ съ Турками по-Русски. Мусульмане грозили имъ острыми саблями и япаганами, а наши показывали имъ свои шпыки.

Послѣ кратковременнаго отдыха, батареи снова начали переключаться съ прежнимъ жаромъ. Особенно брешь-батарея неумолкаемо громила крѣпостныя стѣны. Такъ какъ Турки обращали на бѣую все свое вниманіе, стараясь вредить ей сколь возможно больше; то пребываніе на ней было весьма опасно. Не меньшей опасности подвержены были работавшіе во рву; ибо Турки, замѣтивъ ихъ, начали шуда бросать непрерывно горючія вещества и даже часто зажигали туры и фашины, но всѣ ихъ усилія вредить нашимъ работамъ не имѣли важныхъ послѣдствій. Всего же болѣе мѣшало намъ, что ровъ не былъ еще совершенно очищенъ отъ Турокъ; изъ коихъ многіе, даже съ семействами своими, жили въ ономъ, скрываясь днемъ въ зем-

лянкахъ, а ночью, выходя изъ онаго, спрѣвляя по нашимъ саперамъ.

Проходя мимо двухъ солдатъ 14-го егерскаго полка, копорые, выспавя свои ружья изъ за шуровъ, ожидали только случая наградить перваго неоспорожнаго Турка пулею, я спросилъ у старшаго изъ нихъ, украшеннаго знакомъ опличія Военнаго Ордена, былъ ли онъ въ дѣлѣ во время вчерашней жаркой вылазки?

»Что это за жаркое дѣло, осмѣлюсь доложить, Ваше Благородіе! даже не удалось нашимъ молодымъ ребятамъ и попышились: не успѣли ударить въ штыки, какъ и слѣдъ бусурманскій просыхъ. Вотъ, напримѣръ, тому при недѣли, такъ было чѣмъ позабавиться и нашему брату спарику. На каждую Христіанскую душу досталось по 10-ти бусурманъ — по то было весело, хотя и раненъ былъ въ этомъ дѣлѣ; но Богъ милосливъ, не тяжело; и лишь только рана начала подживать, то я и выпросился у начальства опять во фронтъ: чему бытъ, того не миновать; солдатъ же въ военное время нуженъ Государю. Намеднясь, увидя меня въ госпиталѣ, Государь, изволилъ надѣтъ, Самъ Своими руками, Георгіевскій крестъ, примолвя: спасибо, спарикъ, Я люблю такихъ молодцовъ, какъ ты. »Разсказывая объ этомъ, веперанъ прослезился; я самъ, слушая его, не менѣе былъ распроганъ.

Въ пятомъ часу вечера оспальное число шуровъ и фашиновъ было изготовлено, и я, сдавъ

онѣ, отправился обратно въ свой лагерь. Проходя мимо траншей, я видѣлъ, какъ наши солдаты спокойно ужинали, а другіе распѣвали Русскія пѣсенки, въ то время, какъ ядра и бомбы летали надъ ихъ головами.

У.

Н о ч ь н а к а н у н ь с д а ч и В а р н ы .

Вопть уже мѣсяць, какъ мы подъ Варною, зрителями кровавой драмы войны; видимъ взятіе непріятельскихъ укрѣпленій; плавный полетъ бомбъ, сокрушающихъ твердыни крѣпости; слышимъ радостныя восклицанія побѣдителей, стоны раненыхъ, и першимъ Танталовы мученія: хочется быть участниками въ подвигахъ, которые совершаются предъ нашими глазами.

Весь почти этотъ день мы провели на утесѣ, смотря на полуразрушенную, но все еще упорно защищаемую Варну; наступилъ вечеръ; пробили зорю, и нашъ Невскій проспектъ опускался; только два или три изъ числа привычныхъ его посѣтителей сидѣли въ задумчивости на дерновыхъ скамьяхъ. Въ крѣпости и въ нашемъ лагерѣ все было тихо; все покоилось глубокимъ сномъ, лишь изрѣдка громкое и продолжительное : слушай! нарушало общую торжественную тишину, подобную той, которая на морѣ бываетъ предвѣспницею бури; эта тишина навѣяла на меня сонъ, я ушелъ

въ свою палатку, завернулся въ шинель и лишь сомкнулъ глаза, какъ вдругъ громкій голосъ моего поварища заставилъ меня воспрянуть отъ сна: »Вставай проворный! мы идемъ на штурмъ къ Варнѣ,« раздалось въ ушахъ моихъ. Я едва вѣрилъ своимъ чувствамъ: наступила, наконецъ, торжественная и рѣшительная минута. Не знаю, что происходило въ моей душѣ; признаюсь, что ни одной ясной мысли я не сохранилъ объ этомъ мгновѣніи; помню только, что сердце билось отъ радостнаго сильнаго чувства; я спѣшилъ одѣться и вышедши на воздухъ, увидѣлъ, что все пришло въ движеніе въ лагерь: свѣчи зажглись въ офицерскихъ палаткахъ, костры запылали, шумные разговоры, хохотъ и пѣсни раздавались во всѣхъ концахъ военного спана. Черезъ полчаса нашъ полкъ споялъ уже подъ ружьемъ, ожидая приказанія выступить. — Вдругъ раздалась команда: справа по отдѣленіямъ маршъ! и полкъ поспѣшилъ подъ гору, съ высокаго утѣса. Ночь была совершенно темная, ни одной звѣздочки не сіяло на небѣ.... и мы ощупью должны были опыскивать дорогу, спотыкаясь о камни и падая безпрестанно въ рывины. Наконецъ прибыли къ лагерю Графа Воронцова; немедленно поставлены были караулы, и полкъ расположился биваками. Сырость атмосферы и холодное время заставили насъ развести огонь. Цѣлые костры виноградныхъ лозъ вдругъ запылали съ трескомъ. Вѣтеръ спалъ усиливаться, и наконецъ пошелъ проливной

дождь, который безпрестанно загашалъ бивачные огни, не смотря на все стараніе возобновлять оныя. Не имѣя на себѣ ничего, кромѣ сюртюка, я промокъ, какъ говорится, до нитки и пошелъ опыскивать мѣспечко, гдѣ бы можно было укрыться отъ ненастья; небольшая лощинка между виноградникомъ, была мною выбрана, и я, въ ожиданіи приступа къ Варнѣ, улегся на семь водянистомъ ложѣ. Въ продолженіе ночи не было ни какой переспѣлки; но лишь только начало разсвѣпашъ, то мы увидѣли нѣсколько Турокъ, которые, выѣхавъ изъ крѣпости, поворопили прямо къ лагерю Графа Воронцова — это былъ Юсуфъ-Паша, съ своею свитою.

Тутъ мы узнали, что крѣпость Варна сда-лась! Какъ воины, мы сожалѣли, что не исполнились наши надежды нѣсти на приступъ; но какъ Христіане, радовались, что отвращено страшное кровопролитіе.

Вслѣдъ за прибытіемъ Юсуфъ-Паши мы получили приказаніе обезоружить Варнскій гарнизонъ, который, сдавшись военно-плѣннымъ, долженъ былъ вскорѣ прибыть изъ крѣпости къ лагерю Графа Воронцова. — Дѣйствительно, лишь только мы выстроились въ колонны и составили родъ каре изъ двухъ полковъ и двухъ артиллерійскихъ ротъ, какъ начали выѣзжать и выходить толпами изъ крѣпости Турецкія войска, составлявшія Варнскій гарнизонъ, подъ конвоемъ полковъ Лейбъ-гвардіи Гусарскаго и

Конно-егерскаго. Когда наша артиллерія, подъѣхавъ къ нимъ, снялась съ передковъ, а канонеры выбѣжали впередъ съ банниками, по толпѣ Турокъ, стоявшихъ посреди нашего каре, произошло большое смятеніе и многіе даже обратились въ бѣгство, полагая, что по нимъ будутъ стрѣлять; но мало по малу они успокоились, увидя, что это была лишь одна предосторожность на случай ихъ сопротивленія.

Песпроша и разнообразіе въ одеждахъ, дорогія сабли, ружья, ятаганы, которыми они вооружены были съ ногъ до головы, ржаніе лошадей, звукъ оружія, говоръ на языкѣ иноплемennomъ — все сіе было для насъ совершенно новою и чрезвычайно занимательною карпиною.

VI.

Знакомство съ плѣнными Турками на бивакахъ
подъ Варною.

29-го Сентября упромъ, Государь прибылъ къ лагерю Графа Воронцова и, подъѣхавъ къ войскамъ, выспроеннымъ подъ ружьемъ, поздравилъ со взятіемъ крѣпости Варны; потомъ, приблизившись къ Туркамъ, которые всѣ были еще въ полномъ вооруженіи, извоилъ разговаривать съ нѣкоторыми изъ нихъ чрезъ переводчика. Мусульмане не могли повѣрить, что съ ними говоритъ великій Монархъ Сѣвера: ихъ изумляли простиона Его обращенія, Его привѣпливость съ нами и милосерное вниманіе

къ нимъ, несчастнымъ жертвамъ упорнаго деспотизма. Онъ являлся истинно великимъ человекомъ, а бѣдные Турки не посмѣли, въ чемъ состоятъ это величіе. Мы съ своей стороны въ глубинѣ сердецъ дивились Его довѣрію къ Промыслу.

Вскорѣ явился и Юсуфъ-Паша Сересскій съ своею свитою: разноцвѣтныя шубы, чалмы, конскіе уборы съ киспиями и погремушками, безпорядокъ этой пестрой толпы — все составляло разительную противоположность съ нашими войсками.

Юсуфъ-Паша, объѣхавъ ряды Турокъ, приказалъ имъ сложить оружіе. Глубокая горестъ, изображавшаяся на ихъ лицахъ и даже слезы, навернувшіяся на глазахъ у многихъ при этомъ повелѣніи, показывали, сколь тягостно имъ было расстаться съ драгоценнымъ своимъ оружіемъ.

Однако жъ они повиновались безпрекословно. Каждый по очереди снималъ съ себя все вооруженіе, а писарь дѣлалъ опись каждой вещи; таковая церемонія не скоро бы кончилась, если бы исправлявшій должность Начальника Штаба осадныхъ войскъ Генералъ - Адъютантъ, Шеншинъ, не приказалъ принимать оружіе безъ описи.

Все начали сваливать въ кучи: цѣлые костры составились изъ пистолетовъ, сабель, япагановъ. Сложивъ оружіе, войско Юсуфъ-Паши прошло мимо насъ. При семъ обнаружили Турки, что они истощили всѣ свои усилія для

обороны крѣпости, почиваемой ими щипомъ Царяграда: всѣ они были жестоко изнурены голодомъ и болѣзнями; нѣкоторые едва держались на измученныхъ лошадяхъ и мулахъ, и походили болѣе на выходцевъ съ того свѣта, нежели на Турецкихъ наѣзтниковъ.

Двѣ роты нашего полка вступили немедленно для содержанія карауловъ и цѣпи около военно-плѣнныхъ. Цѣлые сутки мы не имѣли покою отъ безпрестаннаго шума и споровъ между Турками и нашими маркишанцами, продававшими имъ бѣлые сухари. Мы вступили въ посредничество между Мусульманами, которые вынуждены были платить въ-десятеро за каждый сухарь, и нашими православными Христіанами — и положили предѣлъ корыстолюбію маркишанцовъ. Нельзя было смотрѣть безъ жалости и на бѣдныхъ лошадей — красивыхъ и гордыхъ щипомцевъ степей Аравійскихъ, едва передвигавшихъ ноги отъ изнуренія и голода. — Онѣ съ жадностію вырывали корни виноградныхъ лозъ и ѣли дубовые жолуди. — Замѣтивъ наше мягкосердечіе, плѣнные ходили за нами толпами, упрощая всякими просьбами; одни говорили: »Капитанъ! дай мала копѣйка, Капитанъ! дай хлѣбъ,« а нѣкоторые знаками просили воды. Мы наперерывъ старались помогать симъ несчастнымъ, сколько позволяли наши средства. Но удовлетворить всякаго было невозможно; почему мы и рѣшились хлопотать о выдачѣ имъ фуража и провіанта, заготовленнаго въ ла-

геръ Графа Воронцовъ. — Дежурный офицеръ собралъ ихъ спаршинъ, называемыхъ Агами, и чрезъ переводчика объявилъ имъ, чѣмъ они отрядили отъ себя нѣсколько человѣкъ для принятія провіанта, и уведомили бы о числѣ ихъ. Они и сами не знали, сколько ихъ здѣсь находилось, а просили позволенія увидѣться съ Юсуфъ-Пашею. Вмѣстѣ съ Агами отправился и я въ палатку Юсуфа. Знаменитый Турецкій военачальникъ, который избранъ былъ Султаномъ, какъ оплотъ Царюграду — въ то время, какъ мы вошли въ его спавку — сидѣлъ на простомъ коврѣ, плынный, безъ меча. На немъ была одежда регулярнаго войска: красная феска, шаравары коричневаго цвѣта и куртка безъ всякаго шипья; сверхъ же всего была накинута шуба, крытая зеленымъ бархатомъ. Его не окружала толпа раболѣпныхъ слугъ; только два спарца-воина, помня еще прежнюю неограниченную власть Юсуфа — сидѣли на нѣкоторомъ отдаленіи, молча, съ поникшими главами, какъ бы стыдясь взглянуть въ бывшаго своего повелителя. Труды военные, неудачи, быть можетъ страхъ мести Султана, потеря несмѣнныхъ сокровищъ, даже самой чести, по понятіямъ объ оной Турокъ — все это провело черту глубочайшей горести на его блѣдномъ лицѣ. — Переводчикъ объявилъ Пашѣ причину нашего прихода; онъ тотчасъ всталъ и очень ласково спросилъ у Дежурнаго офицера. »Въ какомъ онъ чинѣ, гдѣ служилъ, и что означаетъ

серебряный знакъ, надѣтый у него на шеѣ. Послѣ разспрашивалъ у переводчика, кто онъ? откуда, и за что получилъ медаль (*). Кромѣ того разговаривалъ и о другихъ предметахъ; потомъ онъ вышелъ изъ палатки и, обратившись къ пришедшимъ съ нами Туркамъ, началъ разговаривать съ ними такъ тихо, что переводчикъ ничего не могъ разслушать. Наконецъ объявилъ намъ, что, по его приказанію, Секретарь сдѣлаетъ повѣрку людямъ, и насъ объ этомъ уведомилъ. Секретарь, мужчина прекрасной наружности, и богато одѣтый, имѣя черезъ плечо повѣшенную на снуркѣ мѣдную чернилицу и такое же перо — отправился съ нами. Пришедши къ биваку, онъ усѣлся на землѣ, подлѣ небольшой ямки, а главные Турецкіе старшины обѣли кругомъ его, поджавъ подъ себя ноги; засѣданіе открылось: каждый поочереді говорилъ что-то Секретарю, который, вынувъ изъ-за пазухи письменные припасы и кусокъ пергамена, записывалъ все поспѣшно. Секретарь былъ мастеръ своего дѣла: стоя за нимъ, я любовался проворствомъ, съ какимъ онъ черпилъ свои крючки взадъ и впередъ. По ихъ счету, Турокъ вышедшихъ изъ крѣпости съ Юсуфъ-Пашею, оказалось болѣе пяти тысячъ человекъ. Послѣ сего немедленно имъ розданъ былъ провіантъ и фуражъ. Черные

(*) Переводчикъ имѣлъ медаль за послѣднюю Персидскую войну.

солдатскіе сухари сначала не полюбились Туркамъ, привыкшимъ къ бѣлому хлѣбу, и они не хотѣли было ихъ ѣсть; но съ голодомъ вѣдь нечего шутить! подумали — и спали кушати.

Бессонница, головная боль и безпрестанные хлопоты такъ меня измучили въ этотъ день, что къ вечеру я едва передвигалъ ноги.

Завернувшись въ шинель, я улегся подлѣ пылавшаго костра, въ надеждѣ хоть крапковременнымъ сномъ подкрѣпить свои силы. Эта пріятная надежда не исполнилась: правую спонну у меня пекло, въ то самое время, какъ лѣвая дрожала отъ холоду. При всѣхъ усиліяхъ я не могъ забыться ни на минуточку. Принужденный бодрствовать по неволѣ, я всталъ и въ какомъ то оцѣпенѣніи сѣлъ на обрубокъ дерева противъ костра. Глаза мои иногда смыкались, но я боролся съ Морфеемъ, чувствуя всю невыгоду своего положенія: потеря равновѣсія во время дремоты и лихорадочный ознобъ послѣ cadaго пробужденія были такъ несносны, что я рѣшился не спать, во что бы то ни стало.

Мысль, что завтра наша бригада должна идти на южный берегъ моря, гдѣ вѣрно и до насъ дойдетъ очередь сражаться — эта одна мысль развеселила меня и отогнала сонъ отъ глазъ моихъ.

Нѣкоторые изъ Турокъ, вѣроятно такъ же какъ и я, неспавшихъ отъ холода, подсѣли ко мнѣ и грѣлись; видя, что они не курятъ, я

предложили имъ табаку; они не отказывались и охотно набили свои трубки, послѣ чего каждый, закуривъ трубу, подчивалъ меня, что почтается у нихъ знакомъ большаго уваженія. Вы можете судить, что наша бесѣда была неслишкомъ занимательна, ибо мы разговаривали пантомимами. Одинъ изъ нихъ, увидя мою саблю, знаками просилъ позволенія посмотреть ее; я подаль саблю. Турокъ, вынувъ ее изъ ноженъ до половины, громко засмѣялся и передалъ товарищамъ, которые съ большимъ удивленіемъ ее разсматривали, давая мнѣ знать, что ею и ушей нельзя опрѣзать; я объяснилъ имъ, что Русскому офицеру сабля служила для защиты, а не для того, чтобы безчеловѣчно рѣзать уши и головы у мертвыхъ и раненыхъ непріятелей.— Тогда одинъ изъ нихъ, попрепавъ меня дружески по плечу, сказалъ: »О Русь добра, добра!«

Болѣе всѣхъ обратилъ на себя вниманія одинъ пожилыхъ лѣтъ Турокъ, сидѣвшій на коврѣ поодаль отъ другихъ, и непринимавшій никакого участія въ разговорахъ своихъ единовѣрцевъ, которые обходились съ нимъ весьма почтительно и называли его Бимъ-Пашею (Полковникомъ); его блѣдное изнеможенное лице, едва слышимые стоны обнаруживали жестокое тѣлесное спраданіе, но онъ, казалось, забывалъ о себѣ, и его впалые глаза съ нависшими вѣками были устремлены на Турецкаго жеребца, лежавшаго у ногъ его. Я спросилъ у

Турка чрезъ переводчика, отъ чего онъ такъ печаленъ? Въспомни отвѣща, онъ указалъ на свою ногу, обвернутую желтою шалью, а потомъ на вѣрнаго раба своего поварихи, который издыхалъ отъ голода и былъ раненъ въ шею. Я съ трудомъ досталъ клочекъ сѣна и поднесъ бѣдному животному, которое съ жадностію начало жевать сѣно. — Турокъ смотрѣлъ на это съ задумчивою улыбкою; его мутные глаза сдѣлались влажны; взявъ мою руку, онъ крѣпко пожалъ ее въ знакъ благодарности. Я сказалъ ему, что можетъ быть есть еще надежда вылечить его коня и спросилъ, не продастъ ли онъ его.

»Ни за какія деньги и никому,« отвѣчалъ съ живостію Турокъ: »ему не было подобнаго въ быстрой бѣгѣ; не одинъ разъ онъ спасалъ мнѣ жизнь, вынося изъ бѣды; такъ пусть же по крайней мѣрѣ онъ умретъ на рукахъ моихъ.«

Дѣйствительно чрезъ полчаса не спало сего благороднаго животнаго.

Сей другъ, кого и вѣрѣ въ поляхъ не обгонялъ, Онъ спитъ; на зыбкій одрѣ песковъ пустынныхъ палъ.

VII.

МОЛЕБСТВІЕ ВЪ ЛАГЕРѢ ГРАФА ВОРОНЦОВА
ПО СЛУЧАЮ ПОКОРЕНІЯ ВАРНЫ.

30-е Сентября никогда не изгладится изъ моей памяти. Какимъ неизъяснимымъ чувствомъ

наполнялись сердца воиновъ, участвовавшихъ въ покореніи Варны, когда съ разсвѣтомъ дня, полки съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ сбѣгались съ разныхъ сторонъ на молебствіе по случаю покоренія крѣпости Варны, которой разрушенныя, обгорѣлыя стѣны чернѣлись вдали передъ нами.

Строгое благочестіе составляетъ отличительную черту Русскаго: никакой подвигъ не считается онъ вполне совершеннымъ, доколь не внесетъ его въ скрижали своихъ льтописей, доколь не воздастъ за него благодаренія Всевышнему. Не намъ, не намъ, а имени Твоему! вопль смиренный девизъ нашихъ героевъ.

Съ прибытіемъ Государя Императора священнодѣйствіе началось въ половинѣ 11-го часа утра. Царь Русскій смиренно преклонилъ колѣни со всѣмъ своимъ воинствомъ, благодаря Царя Царей за побѣду и одолѣніе враговъ. Потомъ раздалась торжественная пѣснь: Тебе Бога хвалимъ... Артиллерія, подобно грому, отвѣчала на слова священныя.

Я былъ до глубины сердца пронутъ симъ священнымъ обрядомъ, и невольно погрузился въ думы сладостныя, благоговѣйныя. Сколько лѣтъ прошло, думалъ я — сколько разъ лице земли обновлялось съ того времени, когда въ стѣнахъ Кіева, Владиміра, Козельска, обложенныхъ тучами Агарянъ, наши предки, побѣжденные, съ воплемъ и слезами отчаянія, молили Всевышняго о помилованіи! Какъ все измѣнилось! Теперь

положенные сыны Измаила, съ поникшими главами, слушають наши побѣдныя хваленія! Не измѣнился только священный языкъ нашей Церкви, на которомъ и тогда, въ годину бѣдспвій, и теперь, во дни славы Русскаго оружія, молили и славословили Бога; не измѣнилось и простое сердце Русское, вѣрное Матери своей, православной Церкви, и своей надеждѣ — Государю!

Размышляя о семъ, я вспомнилъ объ одномъ случаѣ, подтверждающемъ мое мнѣніе о простотѣ Русскихъ нравовъ, доселѣ неизмѣнившихся.

25-го Сентября, воинамъ нашимъ поручено было взятіе одного баспіона крѣпости, а они, раздраженные сопротивленіемъ и въ жару битвы, проникши далѣе, предавая все огню и мечу. Турками овладѣвъ такой страхъ при сей неожиданной грозѣ, что они побросались въ свои дома, огражденные каменными стѣнами, и сдѣлали тамъ въ совершенномъ бездѣйствіи и оцѣпенѣніи; изрѣдка только Мусульманинъ, котораго вѣра въ предопредѣленіе не вовсе лишила умственныхъ способностей, спрѣлялъ изъ-за своей ограды по нашимъ солдатамъ. Однимъ изъ выстрѣловъ былъ убитъ Русскій офицеръ, начальникъ небольшого отряда, который, опомнясь послѣ перваго штыка, спѣшилъ соединиться съ своею ротою, отступавшею изъ крѣпости къ баспіону. Въ одно мгновеніе двери дома, откуда былъ сдѣланъ несчастный выстрѣлъ, были

выбиты прикладами. Солдаты съ бѣшенствомъ ворвались въ комнаты, гдѣ нашли стараго Турка, съ важнымъ равнодушіемъ ожидавшаго неизбежной смерти; его окружала толпа женщинъ, вопившихъ отъ ужаса. Сверкнули Русскіе штыки, направленные мщеніемъ Вдругъ одна изъ женщинъ, отъ страха ли, или желая показать, что она не Магометанка, начала креститься; ея примѣру послѣдовали другія. При видѣ крестнаго знаменія, опустили руки нашихъ воиновъ. »Стой, брашцы, стой! не коли!« закричалъ одинъ усатый гренадеръ: »развѣ не видите, что это не бусурманки, а такія же, какъ и мы, Православные!« При сихъ словахъ солдаты вышли изъ дома, не сдѣлавъ ни малѣйшаго оскорбленія испуганному и удивленному семейству.

По окончаніи священнодѣйствія, Государь объѣхалъ всѣ полки, и проѣзжая мимо нашего, изволилъ сказать еще разъ, что очень жалѣетъ, что намъ не удалось быть въ дѣлѣ; ибо намѣренъ былъ послать насъ противъ опрѣда Омеръ-Вріоне, но онъ, узнавши о сдачѣ Варны, бѣжалъ за Балканы. Словомъ, каждый полкъ былъ чѣмъ либо привѣтствованъ отъ Монарха; между прочими Государь, приблизясь къ Лейбъ-гвардіи Саперному баталіону, который преимущественно способствовалъ въ покореніи упорной крѣпости и удостоился получить за сіе Георгіевское знамя, изволилъ сказать: »Поздравляю васъ съ Георгіевскимъ знаменемъ. Вы Мнѣ, спа-

рому своему товарищу, дали этимъ прекрасный праздникъ.» Радостные клики были отвѣтомъ храбрыхъ саперовъ, заслужившихъ кровью столь милостивое къ себѣ вниманіе Императора.

(Окончаніе средь.)

IV.

II.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ТРИ МѢСЯЦА ЗА ДУНАЕМЪ

въ 1828 году.

(Окончаніе.)

VIII.

Взглядъ на Болгарію на обратномъ пути въ Россію.

Бывши въ Варнѣ наканунѣ выступленія нашего въ обратный путь въ Россію, я почти на каждомъ шагу встрѣчалъ слѣды недавнихъ битвъ: большая часть строеній имѣла на себѣ отпечатокъ нашихъ бомбъ и ядеръ, а другія превращены были въ груды камней. Особенно испытала на себѣ дѣйствіе нашей артиллеріи часть города, обращенная къ морю. Но замѣчательно, что посреди сихъ развалинъ Греческая церковь, какъ бы хранимая чудомъ, осталась невредимою! — Мнѣ сказывали, что Греки, въ продолженіе осады крѣпости, съ семействами своими жили на паперти сего храма.

Мнѣ указали домъ, гдѣ имѣлъ пребываніе Юсуфъ-Паша, Комендантъ Варискаго гарнизона, прозванный Хаджи-Юсуфъ-Пашею, ибо онъ ходилъ пѣшкомъ въ Мекку на богомолье, человекъ, какъ говорятъ, весьма умный и храбрый. Любопытствуя видѣти сего Турецкаго военачальника, я направилъ стопы свои къ по-

миному дому, наружность коего не обѣщала ничего особеннаго. Пройдя двѣ комнаты, я увидѣлъ на низенькомъ диванѣ покрытомъ ковромъ, расprostертаго спарца, съ болѣзненнымъ лицомъ — это былъ Юсуфъ-Паша; подле него сидѣлъ Русскій офицеръ въ саперномъ мундирѣ. Юсуфъ-Паша, узнавъ чрезъ переводчика о причинѣ моего прихода, принялъ меня очень ласково и послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, на вопросъ мой, чѣмъ онъ боленъ, — онъ, указавъ ласково на сидѣвшаго возле него офицера, сказалъ чрезъ переводчика, что о причинѣ болѣзни его я могу узнать отъ сего офицера, который и сказалъ мнѣ, что онъ дѣйствительно былъ виновникомъ его спраданій: во время взрыва мины, подѣ надзоромъ его усproенной, Юсуфъ-Паша, находившійся въ сіе время вблизи сего мѣста, былъ раненъ въ ногу.

»Теперь крѣпость ваша,« присовокупилъ Паша, обращаясь къ саперному офицеру: »война скоро кончится, и мы должны быть друзьями,« и съ симъ вмѣстѣ Юсуфъ-Паша пожалъ руку у виновника своихъ спраданій — рѣдкая черта великодушія въ Турецкомъ военачальникѣ!

Въ при мѣсяца моего пребыванія за Дунаемъ, видя только плѣнныхъ Турокъ, я не могъ составить надлежащаго понятія о ихъ свойствахъ, но мнѣ кажется, что нельзя похулить ихъ характера. Опличительная черта ихъ правильныхъ мужесproенныхъ лицъ, — есть

какое-то флегматическое добродушіе. Турки и на Востоку сьлывутъ не большими умниками, но они вѣками доказали свою храбрость.

Нынѣшнюю войну Турки вели не съ такимъ уже фанатизмомъ, какимъ отличались они въ прежнія войны противу Русскихъ. Тогда и самыя перемирія не прекращали ихъ ожесточенія. Изъ Турецкихъ крѣпостей и лагерей выѣзжали храбрецы и вызывали нашихъ на единоборство. Въ нынѣшнюю кампанію мы не слышали о такихъ рыцарскихъ вымазкахъ; напротивъ, во время перемирія, Турки сходились съ Русскими дружески; бесѣдовали съ ними чрезъ переводчика или объяснялись знаками; даже подчивали другъ друга: Турки предлагали намъ свои бѣлые сухари и трубки, а наши угощали ихъ своими черными сухарями, на которые смотрѣли чалмоносцы съ примѣпнымъ удивленіемъ.

Я могъ бы подтвердить сказанное мною многими анекдотами, но на сей разъ ограничусь однимъ слѣдующимъ. 1-го Сентября, наканунѣ перемирія, пріѣзжалъ изъ Варны Паша, для переговоровъ. Пашу приняли весьма ласково въ Русскомъ станѣ, и угощали кофеемъ и трубками по Турецкому обычаю; желая изъявить свою благодарность за такое гостепріимство, онъ, набивши свою собственную трубку, предложилъ ее одному изъ нашихъ Генераловъ и спросилъ: нравился ли ему Турецкій табакъ? Получивъ удовлетворительный отвѣтъ, Паша сказалъ, что при немъ табаку было немного, »но завтра,

что бы ни далъ Богъ, миръ или войну, а я пришлю тебѣ самага лучшаго табаку.» Въ самомъ дѣлѣ на другой день, не смотря на сильную канонаду, по случаю прекращенія перемирія, Турокъ сдержалъ свое слово, приславъ изъ крѣпости съ нарочнымъ самага лучшаго Султанскаго табаку въ подарокъ Русскому Генералу!

Греки, обитавшіе въ Варнѣ, принимали каждаго Русскаго война какъ своего избавителя, и изъявленіемъ благодарности и пріязни ихъ не было мѣры. Это я испыталъ на себѣ. Когда проходилъ мимо одного дома, Греки, сидѣвшіе у придверія онаго, увидѣвъ меня, тотчасъ бросились ко мнѣ, насильно зашатали въ домъ, начали подчивать кофеемъ и плодами, изъявляя между тѣмъ разными пѣловдвиженіями свою радость и благодарность; на это я отвѣчалъ также панпомимами.

Возвращаясь въ лагерь, я провелъ большую часть ночи въ приуготовленіяхъ къ предстоявшему пуши. Съ разсвѣтомъ же дня ударили генераль-маршъ; въ одно мгновеніе лагерь былъ снятъ, палатки уложены въ ящики, и полкъ выступилъ въ обратный путь, въ любезное отечество, а за нимъ потянулись лазаретныя кареты, фуры и обозъ. Впереди же насъ, подъ конвоемъ баталіона 14-го Егерскаго полка, шли пѣхотные Турки, составлявшіе Варнскій гарнизонъ.

Какъ весело, простоявъ долгое время въ землѣ непріятельской, не зная другаго крова,

кромѣ полопнянаго навѣса—возвратиться наконецъ на родину! Гдѣ найши словъ для выраженія сего чувства, врожденнаго всякому, и образованному, и дикому?

„О родина святая!

Какое сердце не дрожитъ,

Тебя благословляя?“

Не смотря на сильный пронзительный вѣтеръ и дождь, смѣшанный съ снѣгомъ, — Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ, раздѣлявшій съ нами всѣ трудности походныя, самъ изволилъ провожать полкъ за нѣсколько верстъ отъ Варны, какъ чадолюбивый отецъ дѣтей своихъ.

Пройдя 25 верстъ, лишь только начали мы спускаться въ долину Терпекіюскую, по представилась намъ картина, достойная кисти Орловскаго. Турки расположились въ долинѣ сей биваками. Куча повозокъ, изъ коихъ нѣкоторыя были опрокинуты, а другія увязли въ грязи; множество ословъ, муловъ и лошадей, покрытыхъ красными чапраками и попонами, были нагружены и навьючены ихъ багажемъ. Одни доставали изъ фонтана воду, другіе разсѣдывали лошадей, а нѣкоторыя крошили табакъ, мололи кофе, между тѣмъ, какъ ихъ Паша и Бимъ-Паша, усѣвшись на разостланныхъ коврахъ съ поджатыми ногами, съ важностію курили трубки, запивая кофею изъ маленькихъ фарфоровыхъ чашечекъ.

Неужели человѣкъ можетъ такъ равнодуш-

но переносили лишеніе свободы, потерю любимых надеждъ и привычекъ, безъ которыхъ жизнь похожа на смутный сонъ, представляющій намъ образы лицъ, вовсе незнакомыхъ, мѣста, неукрашенные ни однимъ воспоминаніемъ? Такъ думалъ я, глядя на Турокъ, которые все не походили на плѣнныхъ: ни одной черты горести о разлукѣ съ милымъ отечествомъ не замѣнилъ я на ихъ блѣдныхъ лицахъ. Конечно, благодаря нашему попечительному Правительству; они ни въ чемъ не терпѣли нужды; еще не вступая въ Россію, мы умѣли доказать имъ свое гостепріимство и свою пріязнь; умѣли доказать, что иноземецъ, покорившійся власти Россіи, становится наравнѣ съ ея дѣтьми.

Опдохнувъ послѣ перехода, я и еще нѣсколько офицеровъ пошли къ Турецкому биваку. Солдатъ 14-го Егерскаго полка, служившій для всѣхъ насъ переводчикомъ, ни на минуточку не имѣлъ отдыха. Одинъ звалъ его, чтобы попорговать черешневый чубукъ съ янтарнымъ мундштукомъ, другой Турецкаго жеребца или сѣдло съ приборомъ и погремушками во вкусъ Азіатскомъ. Въмѣсто магарычей, Турки подчивали насъ кофеемъ и трубками.

Къ утру передъ нашимъ выступленіемъ изъ Терпекіойской долины, сдѣлался сильный морозъ, который, сгустивъ грязь на дорогѣ, этимъ еще болѣе замедлилъ движеніе нашего обоза и артиллеріи, которые должны были взбираться по узкой дефилеѣ болѣе 2½ верстъ — и эти 2½ вер-

спы мы поднимались болѣе супокъ, такъ дождь и снѣгъ испортили эту глинистую дорогу. Не только лазаретныя кареты и фургоны, но даже каждую повозку надобно было вспаскивать на гору на рукахъ, и сверхъ сего малѣйшая ломка могла бы остано­вить шествіе на нѣсколько часовъ; этотъ трудный переходъ чрезъ Бальчикъ, будетъ всѣмъ намъ памятенъ! Только къ утру другого дня мы прибыли къ крѣпости Коварнѣ, и расположились лагеремъ въ полуверстѣ отъ оной. По дорогѣ сей, бывшей театромъ военныхъ дѣйствій, мы видѣли много большихъ насыпей и кургановъ, на верху коихъ поставленные деревянные кресты указывали странникамъ могилы Русскихъ воиновъ, убіенныхъ за Вѣру и Отечество. Если мавзолеи ставятся для воспоминанія о умершихъ, для возбужденія печальной мысли о краткости и невѣрности нашего жизненнаго пути; то какое надгробіе, сего пышное, соотвѣтствуетъ своему назначенію болѣе сихъ простыхъ памятниковъ? Чрезъ нѣсколько лѣтъ, если Русскій увидитъ сіи курганы, сіи кресты, знаменія истинной Вѣры, въ землѣ поклонниковъ Магомета, сколько воспоминаній возбудится въ его душѣ? — Опойдя нѣсколько отъ Коварны, мы отъ удивленія не вѣрили, что находимся въ Болгаріи, въ землѣ непріятельской! Почти на каждомъ поворотѣ и перекресткѣ поставлены деревянные столбы съ руками, указывающими дороги на Варну, Базарчикъ и проч. съ Русскими надписями! Удивле-

ніе наше еще болѣе увеличилось, когда, посреди Турецкихъ степей, слышали въ отдаленіи голосъ Русской пѣсни: „Ахъ, не одна-то во полѣ дорожка пролегла.“ Голосъ слышался все ближе и ближе, и наконецъ мы увидѣли ямщика, въ красной рубахѣ, на Русской телѣжкѣ, запряженной тройкою борзыхъ коней. Отъ ямщика сего мы узнали, что онъ опвозилъ письменную почту въ Мангалію, и теперь возвращается обратно въ Коварну.

Желая сколь возможно болѣе способствовать сообщенію между Задунайскими крѣпостями, покоренными нашимъ оружіемъ и Русскими провинціями — Правительство устроило отъ Дуная до крѣпости Варны почтовые станціи, для чего и вызваны были изъ Россіи ямщики, охотники, большею частію изъ Ярославской Губерніи. Сіи станціи охраняемы были казачьими пикетами.

Кромѣ того дорога отъ Варны до Бальчика проведена новая, гораздо ближайшая и удобнѣйшая. Дефиля чрезъ Бальчикъ, сколь возможность позволяла, срыта и очищена отъ груды камней; въ каждой крѣпости устроены были превосходные госпитали, запасные магазины, почты и письменныя экспедиціи. Главный же Полевой Почтамтъ находился въ крѣпости Кюстенджі; развалившіеся дома и лавки исправлены, и купеческіе обозы со всѣхъ концовъ Россіи тянулись въ недавно завоеванныя крѣпости.

Повѣрятъ ли чинапели всему этому, особенно вспомнивъ затрудненія въ продовольствіи и корреспонденціи во время бывшихъ Турецкихъ войнъ? Но я ссылаюсь на всѣхъ, бывшихъ за Дунаемъ.

Въ прежнія времена обыкновенно почта ходила только до границы, а опшуда, когда набиралось достапочное количество пакетовъ, ихъ отправляли на вьюкахъ подъ прикрытіемъ сильнаго конвоя, въ Главную квартиру Дѣйствующей Арміи, изъ коей письма разсылались въ Корпусные, Дивизіонные Штабы — и Богъ знаетъ, когда уже доходили по назначенію. Напротивъ того, въ нынѣшнюю войну мы получали письма изъ Россіи въ 20 дней, и изъ всякой крѣпости и Турецкаго города могли увѣдомлять о себѣ. Кто не поблагодаритъ Монарха въ глубинѣ сердца за сіе благодѣтельное учрежденіе? Сколько слезъ оно отерло! Сколько семействъ, помившихся въ неизвѣстности объ участи сыновей или родственниковъ, подвизавшихся на полѣ брани — оно утѣшало! И вмѣстѣ какая опрада для воиновъ, упружденныхъ походомъ, получаютъ безъ замедленія извѣстія изъ родины, гдѣ вѣроятно, у каждаго изъ нихъ оставалось столько предметовъ, близкихъ сердцу!

Не стану описывать здѣсь по порядку и въ подробности всѣхъ станцій, нами проходимыхъ; ибо, что можно сказать новаго и любопытнаго о Мангаліи и развалившейся Тулчѣ? о

глухихъ степныхъ станціяхъ Бейдаутъ и Ташауль? Но постараюсь описатьъ вамъ, какъ умѣю, нашу походную жизнь, которая шла, какъ заведенные часы. Въ 6 часовъ утра обыкновенно были генералъ-маршъ, и въ одну минуту палатки съ древками сносились съ своихъ мѣстъ, назначенными для сего рабочими, и укладывались въ ящики; причемъ не рѣдко случались весьма забавныя сцены: въ одномъ мѣстѣ вы видите замѣшательство челоѣка, наканунѣ заснувшаго мертвымъ сномъ въ палаткѣ, и внезапно пробудившагося подъ открытымъ небомъ, въ совершенномъ *дезабиле*, посреди обширнаго военнаго стана! Громкій хохотъ товарищей выводитъ его изъ оцѣпенѣнія; другіе допивали чай или завтракали, а нѣкоторые доканчивали свой походный шуалетъ: кто брился, кто одѣвался, и мало ли еще сколько Теньеровскихъ сценъ вамъ бы представилось! Огромные костры хворосту и соломѣ пылали во всѣхъ концахъ военнаго стана. Успалые, но веселые воины толпились вокругъ оныхъ въ ожиданіи фельдъ-марша, который обыкновенно былъ въ 7 часовъ и полкъ выступалъ въ походъ; въ 12-мъ часу дѣлаемъ привалъ; лишь только скомандуютъ: ружье къ ногъ, составъ, ранцы долой! и всякой для подкрѣпленія силъ спѣшилъ доставать изъ кубуръ свой походный завтракъ; причемъ шанцовый инструментъ служилъ намъ вмѣсто сковороды, для разогрѣванія жареныхъ картофелей или коптелокъ, оставшихся отъ ужина, и довезенныхъ до привала въ карпузной

бумагъ! Въ 3 же часа мы приходили обыкновенно на ночлегъ. Тутъ посмотрѣли бы вы, сколько суебъ и заботъ, и все для одной ночи! Покуда денщики и кашевары хлопчутъ около козловъ и каспрюль, стоявшихъ на преножникахъ, мы усыпаемъ свои палатки, только не Персидскими или Англійскими коврами, а рогожами, и устроиваемъ каминъ, то есть, по серединѣ палатки вырываемъ ямки, осушиваемъ ихъ горячею золою и насыпаемъ углемъ, отъ чего въ палаткѣ было столько же тепло, какъ и въ комнатѣ. Чему походъ не научить! — Послѣ-обѣденное же время офицеры, усѣвшись вокругъ огней, разложенныхъ передъ палатками, проводили за спаканами чаю и трубками, въ разсказываніи анекдотовъ, а солдаты попѣвали родимыя пѣсни. Послѣ вечерней зори всѣ расходились по своимъ палаткамъ, и тишина воцарялась. Такъ протекала наша военная жизнь.

Проходя чрезъ Бабадагъ на обратномъ пути въ Россію, по истеченіи болѣе двухъ мѣсяцевъ, я былъ пріятно удивленъ его переменой. Дома были всѣ исправлены, улицы очищены отъ груды камней, а лавки наполнены разными дорогими товарами и жизненными припасами; а что всего для насъ важнѣе, здѣсь мы могли достать свѣжаго ржанаго хлѣба, котораго давнымъ давно и въ глаза не впали. Сверхъ сего въ Бабадагъ устроенъ превосходный военный госпиталь; онъ помѣщенъ былъ въ казармахъ регулярныхъ войскъ, большомъ квадратномъ строеніи. Я

былъ въ семь госпиталѣ, и не могъ надивиться устройству, чистотѣ и порядку онаго — словомъ, я полагалъ, что хожу по какому нибудь гвардейскому госпиталю въ Петербургѣ, а не въ Турецкомъ городкѣ!

Такъ какъ въ Бабадагѣ была дневка, то я, сговорившись съ нѣсколькими поварищами, поѣхалъ на другой день осмотрѣть развалины Греческаго монастыря Св. Георгія. — Монастырь стоялъ на высокомъ утѣсѣ, висящемъ надъ озеромъ Розельми, и попому развалины онаго представляють самую живописную картину. Въ горѣ сей видна глубокая пещера, по преданію жителей, служившая жилищемъ Св. Георгію, который убилъ чудовище, обитавшее въ озерѣ. Въ память сего событія, сооруженъ монастырь сей во имя Святаго Побѣдоносца. Въ храмѣ семь, кромѣ стариннаго образа Св. Георгія, побивающаго копьемъ чудовище, ничего достопримѣчательнаго не было. Обѣдали мы и отды-хали въ маленькой деревенькѣ, населенной Некрасовцами, близъ самаго монастыря.

Въ Сѣверной Пчелѣ 1828 года помѣщенъ историческій розыскъ о Некрасовцахъ. Я прибавлю только, что сіи усердные чпители осьмиконечнаго креста (старообрядцы) сохранили въ чужой за-Дунайской сторонѣ, землѣ невѣрныхъ, свои православные повѣрья и обычаи. Они Русскіе въ полномъ смыслѣ сего слова: окладистая, русая борода, до которой не касается брил-ва, волосы на головѣ въ кружокъ съ подспри-

женною маковою; синія и красныя рубахи, или бѣлыя съ спроченнымъ воропомъ, ясныя очи, чистая Русская рѣчь! Избы или дома ихъ такіе же тесовые, какъ и въ нашей родинѣ; вы увидите на ихъ столѣ и солонку съ высокою спинкою, и деревянный кружокъ вмѣсто тарелки, и полопенцо, или ручникъ, съ вышитыми пѣтушками; и вокругъ спѣнь лавки, и окна косящатыя, и печь, называемую Русскою. На дворахъ кругомъ навѣсы, телятн, сбруа съ кнеспочками, дуги спроченныя и золоченныя. Чудо, какимъ образомъ они сберегли почти неизмѣннымъ весь обликъ Русскій!

Въ этомъ селеніи повѣяло на меня Русскимъ духомъ; сердце заиграло отъ радости, предчувствуя скорое возвращеніе въ милое отечество. Наконецъ мы снова переступили чрезъ широкій Дунай: я взглянулъ въ послѣдній разъ на землю непріятельскую съ такимъ же чувствомъ, какъ пловецъ, вышедшій на берегъ, смотришь на корабль, при мѣсяца его носившій по морскимъ волнамъ, при шумѣ вѣтровъ и непогоды.

